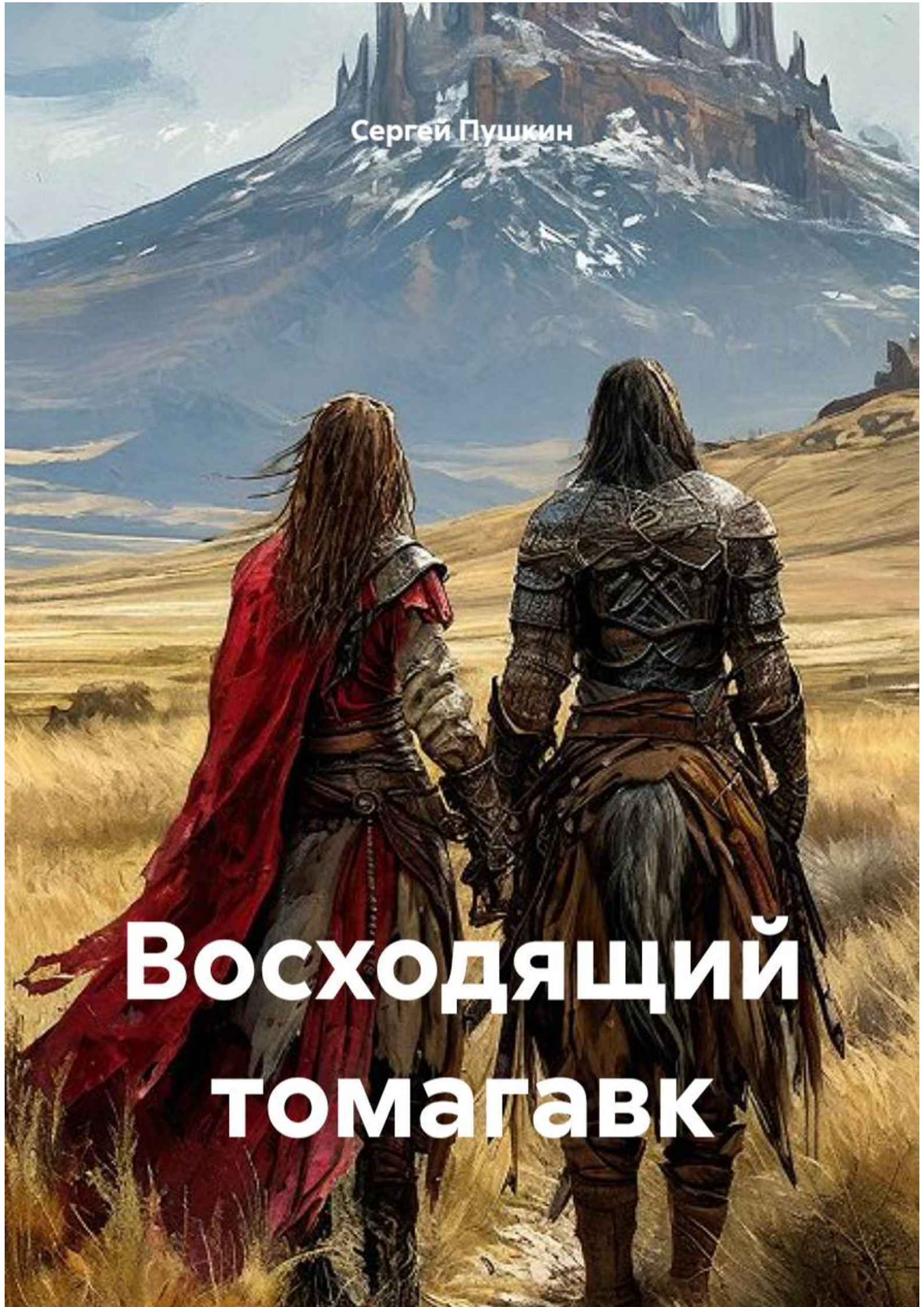




Сергей Пушкин

Восходящий томагавк

Сергей Пушкин

Восходящий томагавк

«Автор»

2026

Пушкин С. С.

Восходящий томагавк / С. С. Пушкин — «Автор», 2026

Анна и Элис, эмиссары наместника Рейгара, отправляются в бескрайние Прерии, чтобы выследить источник древней угрозы, ушедшей на восток. В землях кочевых племён им предстоит столкнуться с силой, которая не знает пощады, и принять решение, от которого зависит не только их собственная судьба, но и судьба всего мира.

© Пушкин С. С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Пушкин

Восходящий томагавк

ВОСХОДЯЩИЙ ТОМАГАВК

ПРОЛОГ. Два сна

Часть первая. Мато

Ночь стояла над Прериями глубокая и тихая. Звёзды висели так низко, что казалось — их можно достать рукой. Ветер почти стих, и только редкие порывы шевелили сухую траву у края лагеря, заставляя её шуршать, как шёпот.

Мато стоял у тотемного столба. Перед ним догорал костёр — угли ещё дышали жаром, но языки пламени уже не поднимались выше колена.

Тотемный столб был старым — старше, чем любой из живущих. Древесина почернела от времени и ветров, но резьба на ней сохранилась: волк с оскаленной пастью, орёл с расправленными крыльями, медведь, стоящий на задних лапах. Глаза животных смотрели в ночь, и Мато чувствовал — они тоже видят то, что видит он.

За спиной — тридцать вигвамов, в которых спало его племя. Женщины, дети, воины. Они не знали, что он стоит здесь. Они не чувствовали того, что чувствовал он.

Он сжал амулет на груди — коготь медведя, продетый через сыромятный ремешок. Камень, вправленный в основание когтя, был тёплым. Слишком тёплым для такой ночи.

— Я чувствую тебя, — сказал он в тишину.

Голос его был низким, спокойным, без страха. Он знал.

— Ты здесь. Но ты не знаешь, кто я.

Он смотрел на восток. Там, всего в одном дне пути, лежали земли соседнего племени. И оттуда, из-за горизонта, тянулось то, что пришло в Прерии. Что-то тёмное. Древнее. Голодное.

Мато чувствовал это уже несколько ночей — сначала как лёгкую дрожь в воздухе, потом как тяжесть в груди. Духи говорили ему шёпотом, но он слышал их отчётливо: «Оно пришло. Оно ищет. Оно голодно».

Он не знал, что именно оно ищет. Он знал только, что оно здесь, в его землях. И что-то хотело найти то, что спрятано. Что-то, что не должно быть найдено.

Мато не знал, что это. Но он знал — оно не должно найти.

Ветер дёрнул его волосы — длинные, чёрные, спутанные. Он не пошевелился. Только смотрел на восток и ждал.

Мато сжал амулет на груди. Камень обжигал пальцы — нестерпимо, как будто в него влили уголёк. Но жар шёл не снаружи. Он поднимался из-под грудины, из самого нутра, пульсировал в такт с сердцем, и Мато знал — это не его тепло. Это оно. То, что двигалось там, на востоке. То, что искало.

И где-то в прериях, в лагере соседнего племени, молодой воин по имени Чоск открыл глаза и перестал быть собой.

Часть вторая. Демон

Глубже, в пустоте между мирами, не было ни света, ни звука. Только холод и память.

Он не имел формы — по крайней мере, той формы, которую можно было бы назвать телом. Он был текучим, как дым, но плотнее. Он помнил свет. Помнил боль — ту, что разорвала его суть на части. Но он помнил и другое: вкус жизни. Тёплый, солёный, живой. Он хотел его снова.

Он чувствовал её — ту, что была здесь, в этом мире. Спрятанную среди равнин, под открытым небом. Она ждала. Ждала того, кто сможет её найти.

Но чтобы добраться до неё, ему нужно было тело.

Он искал. Скользил сквозь пустоту, касаясь границ живого мира. Он чувствовал людей — их дыхание, их сны, их страх. Он искал того, кто был слаб. Того, кто спал слишком крепко. Того, кто не услышит его прихода.

Он нашёл его у костра.

Молодой воин по имени Чоск спал на голой земле, завернувшись в шкуру бизона. Его лицо было спокойным, дыхание — ровным. Рядом с ним лежал лук и колчан со стрелами. Он был не старше двадцати.

Чоск спал крепко — слишком крепко для воина, который должен слышать каждый шорох. Ему снилась охота. Снилась мать, которая улыбалась ему у костра. А потом он почувствовал холод. Не тот, что от ветра. Другой. Он хотел проснуться, но не мог. Он хотел закричать, но не было голоса. Только холод, который вползал в него, как змея в нору.

Демон скользнул вниз.

Он вошёл через рот — тонкой струйкой дыма, почти невидимой в свете догорающего костра. Чоск вздрогнул во сне. Его тело выгнулось дугой, пальцы вцепились в землю, разрывая сухую траву. Из его рта вырвался хрип — не крик, не стон, а что-то среднее, животное. Пена с кровью побежала по подбородку, заливая шею.

Он пытался проснуться. Его веки дрожали, глаза метались под закрытыми веками. Но дым уже был внутри. Он заполнял лёгкие, проникал в кровь, в мозг, в самую глубину его существа. Чоск дёрнулся ещё раз — сильно, так, что его голова ударилась о землю — и затих.

Тело расслабилось.

На несколько секунд воцарилась тишина. Только ветер и треск углей.

Потом Чоск резко сел.

Его глаза открылись — широко, неподвижно. Белки были чистыми, но зрачки сжались в точки, как у зверя, вышедшего из темноты. Он смотрел на огонь, но не видел его. Не моргал.

Его губы дрогнули. Из горла вырвался шёпот — чужой, низкий, не его.

— Я здесь.

Медленно, неестественно плавно, он повернул голову. Посмотрел на костёр. На тени вокруг. На спящих рядом воинов.

— Я останусь.

Он улыбнулся — той улыбкой, которую никогда не показывало его лицо. И снова уставился на огонь, не отрывая взгляда.

Где-то, всего в одном дне пути к западу, Мато сжал амулет на груди.

Он ещё не знал, что потерял. Но он уже чувствовал это — тяжесть в воздухе, которая стала плотнее. Тьма на востоке, которая начала двигаться.

ГЛАВА 1. Дорога на восток

Равнины тянулись до горизонта бесконечной жёлто-серой гладью. Сухая трава шуршала под копытами, ломалась и пригибалась к земле. Небо было бледным, выцветшим, без единого облака, и солнце висело над головой белым пятном, почти не греющим.

Отряд двигался на восток уже четвёртый день.

Лошади шли шагом — сэкономили силы. Впереди, на полкорпуса, ехал Бьёрн. Он не смотрел по сторонам — он вглядывался в землю, как будто ожидал, что она заговорит. Следопыт по привычке даже на ровном месте искал знаки, но здесь их почти не было — только трава, ветер и бесконечное небо.

Сзади, придерживая лошадь на поводу, ехал Стейн. Он точил нож на ходу, проводя лезвием по оселку с размеренным, монотонным скрежетом. Рыжие волосы выбились из-под кожаной повязки, на обожжённой щеке блестела испарина, хотя воздух был сухим и прохладным.

— Скучно, — буркнул он, не поднимая глаз. — Хоть бы волки напали.

— Не накликай, — отозвалась Турид, ехавшая сбоку. Она держала лук наготове, и её глаза, прищуренные, шарили по горизонту. — Здесь даже волки не живут. Здесь ничего не живёт.

Она замыкала колонну. Её руки лежали на луке седла, пальцы расслаблены, но глаза — внимательные, цепкие. Она не смотрела на небо. Она смотрела по сторонам, туда, где трава могла скрыть что-то или кого-то.

Анна ехала в середине, рядом с Элис.

Её перчатки лежали на коленях. Она сняла их ещё утром, но сейчас, глядя на них, заметила тонкий слой инея на серебристом металле. Лёд выступил сам собой, без её воли. Она провела пальцем по поверхности — иней растаял, оставляя влажный след.

Элис заметила это. Ничего не сказала.

— Мы идём туда, где ничего не знаем, — проговорила Анна, не глядя на подругу.

— Это не хуже, чем идти туда, где знаешь, что ждёт смерть, — ответила Элис.

Она смотрела вперёд, на восток. Солнце висело там, чуть левее, ослепительное и холодное.

— Воздух тяжелее, чем должен быть, — сказала Анна. — Как перед грозой, но без туч.

— Я тоже чувствую, — ответила Элис. Она провела рукой по лицу — пот, выступивший на лбу, был холодным. Слишком холодным для такой жары. — Как будто мы уже внутри чего-то. Мы не пришли, а уже здесь.

Она сжала рукоять меча, висящего у бедра.

Они замолчали. Ветер дёрнул сухую траву, и она зашуршала, как шёпот.

Сзади подъехал Стейн. Он убрал нож в ножны и прищурился, глядя на восток.

— Там ничего нет, — сказал он. — Трава и небо. И ветер.

— Вот именно, — ответила Элис. — Ничего. Ни дыма, ни следов, ни жилья. Мы едем уже четвёртый день, и вокруг только пустота. Это не облегчает задачу.

Стейн хмыкнул, но ничего не сказал.

Они продолжили путь. Лошади шли ровно, мерно, и только ветер не умолкал — он нёсся над равниной, пригибая траву, и казалось, что кто-то дышит за горизонтом.

Анна снова посмотрела на перчатки. Иней выступил снова — тонкий, почти незаметный, но явный. Металл охлаждал пальцы, даже когда она не касалась его.

— Они сами так делают? — спросила Элис, не глядя на неё.

— Не знаю, — ответила Анна. — Раньше не делали.

Она надела перчатки. Металл привычно обхватил пальцы. Холод, который шёл от них, был не враждебным. Он был знакомым. Как будто перчатки помнили холод Севера, и теперь, оказавшись в другом месте, они настраивались на что-то новое.

Впереди, на горизонте, показался холм. Единственный за многие дни — невысокий, пологий, покрытый той же сухой травой.

Бьёрн поднял руку, и отряд остановился.

— Вода у нас ещё есть, — сказал он, не оборачиваясь. — Но на ночлег лучше встать за холмом. На открытом месте ветер будет мешать развести огонь.

— Ты видишь там что-то? — спросила Турид.

Бьёрн помолчал. Потом покачал головой.

— Нет. Но я чувствую, что мы приближаемся.

Он сказал это так, будто это было очевидно.

Отряд двинулся к холму.

Солнце медленно клонилось к закату. Тени становились длиннее. И ветер, который дул весь день, вдруг изменился — он стал тёплым. Сухим. Чужим.

Анна почувствовала это — перчатки отозвались слабой вибрацией.

Они поднялись на холм и остановились.

Внизу, за холмом, начиналась долина. А за ней — Прерии. Бесконечные, жёлтые, сухие. Трава здесь была выше, жёстче, и ветер, пробегаая по ней, создавал странный звук — как будто тысячи голосов шептали что-то на непонятном языке.

Элис смотрела вниз и чувствовала — они пришли. Ветер, который дул с востока, пах не травой — он пах чем-то другим. Дымом. Или, может быть, кровью.

Анна стояла рядом, сжав перчатки в руках. Иней на металле стал гуще, белее, и холод от него теперь был не внутренним — он шёл снаружи.

— Здесь, — сказала Анна.

Элис кивнула.

— Да. Здесь.

Они стояли на холме, глядя на Прерии, и ветер, который дул им в спину, казался дыханием того, что ждало их впереди.

ГЛАВА 2. Первая встреча

Холм остался позади. Прерии раскрылись перед ними — бесконечные, жёлто-серые, сухие. Трава здесь была выше человеческого роста, жёсткая, колючая, и ветер гнал по ней длинные волны, которые катились до самого горизонта. Лошади шли медленно, осторожно, прядая ушами. Они тоже чувствовали это — воздух был другим. Тяжёлым. Чужим.

Отряд двигался цепочкой. Бьёрн впереди, Стейн и Турид по флангам, Анна и Элис в центре. Тишина давила на уши, и только сухая трава шуршала под копытами.

Элис первая почувствовала это — взгляд. Не звук, не движение. Холодок между лопаток, от которого рука сама сжалась на рукояти меча.

Она не успела крикнуть.

Они вылетели из травы — четверо, нет, пятеро. Серая кожаная одежда, лица, вымазанные глиной, и клинки — короткие, кривые, с зазубринами. Они двигались бесшумно, как звери, и первый удар пришёлся на Турид.

Она успела уйти в сторону, но лезвие разрезало ей рукав, оставляя на коже тонкую красную полосу. Кровь выступила мгновенно. Турид зарычала, разворачиваясь, но второй уже шёл на неё — сзади, с ножом, целя в поясницу.

Стейн перехватил его. Не мечом — голой рукой. Он схватил нападавшего за запястье, рванул на себя, и тот, потеряв равновесие, влетел в его колено. Удар пришёлся в лицо — хрустнули кости носа, кровь брызнула на сухую траву. Нападавший упал, но не закричал — зашипел сквозь зубы, пытаясь подняться.

В этот момент трое напали на Бьёрна. Он встретил их мечом — первый клинок звякнул о его лезвие, второй отбил щитом, третий ушёл вниз, целя в ноги. Бьёрн отскочил, но один из нападавших оказался быстрее — подсек его, и Бьёрн рухнул на колено.

Элис уже была рядом. Она ударила ногой в грудь тому, кто стоял над Бьёрном, — тот отлетел на два шага, ударился спиной о землю, но сразу вскочил. Кровь текла из его разбитого носа, смешиваясь с пылью, но он не вытирал её. Он смотрел на неё, и в его глазах не было боли. Только ровная, холодная пустота. Как у зверя, которого загнали в угол.

Она не стала его добивать — встала между ним и Бьёрном, держа меч наготове.

Анна работала перчатками. Один из нападавших бросился на неё с ножом — она встретила его захватом, сжала запястье, и раздался хруст. Кость треснула, лезвие выпало из разжавшихся пальцев. Он зашипел, пытаясь вырваться, но Анна ударила его локтем в челюсть — голова мотнулась, и он рухнул, теряя сознание.

Второй напал на неё сзади. Она не видела его, только почувствовала движение воздуха — и развернулась, блокируя удар предплечьем. Клинок скользнул по металлу перчатки, оставляя белую царапину. Анна схватила его за горло и сжала — не до смерти, до хрипа. Он захрипел, нож выпал, и она отшвырнула его в сторону.

Крики стихли. Только дыхание, хрип и звон оружия, который ещё висел в воздухе.

Пятеро нападавших лежали на земле. Двое без сознания, трое — на коленях, держась за сломанные руки или разбитые лица. Кровь стекала по коже, смешиваясь с пылью и сухой травой. Но никто из них не был мёртв. Никто не был убит.

Бьёрн выпрямился, стряхивая пыль с колена. Он посмотрел на лежащих врагов, потом перевёл взгляд на девушек.

— Все целы?

— Живы, — ответил Стейн.

Он убрал нож в ножны, но меча не опустил.

— Они не могли нас убить, — добавил он, кивнув на нападавших. — Но они пытались.

Турид поправила порванный рукав, на котором уже проступала кровь.

— У них нет страха. Они напали первыми, зная, что мы можем быть сильнее. Либо они глупцы, либо у них есть причина.

— Или и то, и другое, — ответил Бьёрн.

Человек со сломанной рукой заговорил. Он стоял на колене, прижимая повреждённую руку к груди, и смотрел на них снизу вверх. В его глазах не было злости. Только усталость и что-то ещё — внимательная, холодная оценка.

— Вы не враги.

Элис шагнула вперёд. Меч в её руке был направлен остриём вниз, но пальцы на рукояти не расслабились.

— Ты напал на нас. С ножом. С чего ты взял, что мы не враги?

Он усмехнулся. Кровь текла из разбитой губы, но он улыбнулся короткой кривой улыбкой.

— Если бы вы были врагами, мы были бы мертвы.

Он кивнул на своих товарищей, лежащих на земле. Они зашевелились — медленно, с трудом, но поднимались. Один держался за сломанные пальцы, второй вытирал лицо от крови. Третий, тот, что был без сознания, начал приходить в себя — застонал, перевернулся на бок.

— Вы дрались, чтобы победить, не чтобы убить, — сказал он. — Так воюют только те, у кого есть честь.

Он помолчал. Посмотрел на свою сломанную руку, которую держал прижатой к груди, потом снова на них.

— Я не знаю, кто вы и откуда. Но вы здесь. В Прериях. Чужаки не приходят сюда без причины.

Элис не опускала меча.

— Может, мы просто заблудились.

— Может, — ответил он. — Но вы не выглядите заблудившимися. Вы выглядите как те, кто знает, куда идёт.

Он попытался подняться на ноги, но рука подвела — он зашипел и опустился обратно на колено.

— Если вы хотите найти то, за чем пришли, — сказал он, глядя на сломанную руку, — вам нужен кто-то, кто знает эти земли.

Стейн хмыкнул, но ничего не сказал. Он перевёл взгляд на Бьёрна. Тот едва заметно покачал головой — не доверяй.

— А если мы просто пойдём дальше сами? — спросил Стейн.

— Тогда вы заблудитесь, — ответил пленный. — Здесь нет дорог. Только трава. И ветер. И те, кто не любит чужаков.

Он усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки. Только усталость.

Элис смотрела на раненого, потом перевела взгляд на Анну. Та кивнула — коротко, едва заметно.

— Мы не знаем тебя, — сказала она, пряча меч в ножны. — Но ты прав. Мы не уйдём, пока не увидим то, за чем пришли. Веди.

Человек со сломанной рукой поднялся на ноги. Элис подошла к нему, посмотрела на его сломанную руку.

— Дай посмотрю.

Он не отстранился. Она осторожно коснулась его запястья, и он зашипел сквозь зубы, но не дёрнулся.

— Ты не боишься, что я ударю тебя? — спросил он.

— Ты не ударишь, — ответила Элис. — Ты слишком устал.

Она перетянула его запястье куском ткани, затянула узел. Он посмотрел на повязку, потом на неё.

— Тогда идём, — сказал он.

Отряд двинулся дальше. Все пятеро шли впереди — четверо здоровых, пятый с перевязанной рукой. Трава расступалась перед ними, и ветер, который дул с востока, становился теплее. Тяжелее.

Чужой.

Элис сжала меч, висящий у бедра. Она ещё не знала, что это значит. Она знала только, что ветер, дующий с востока, стал тяжелее. Плотнее. Как будто кто-то дышал им в лицо.

ГЛАВА 3. Лагерь Кеава

Они шли ещё час. Трава постепенно редела, уступая место вытоптанной земле, и вскоре впереди показались очертания лагеря.

Он возник неожиданно, как будто вырос из самой прерии. Около тридцати вигвамов — конусообразные жилища из длинных шестов, покрытых выделанными шкурами бизона, — стояли полукругом, защищая центральное пространство. В середине дымился костёр, и дым поднимался вверх тонкой, почти прозрачной струйкой, растворяясь в бледном небе.

У входа в лагерь их встретили женщины. Они стояли у вигвамов, прижимая к себе детей. Элис заметила, как одна из них — молодая, с тёмной косой — спрятала ребёнка за спину. Мужчины у костра поднялись, но не пошли вперёд. Только один из них — старый, с седыми волосами и глубокими морщинами на лице — сделал шаг вперёд. Он смотрел на чужаков, и в его глазах была не враждебность. Страх. Он боялся не их. Он боялся того, что они могли принести с собой.

Раненый остановился и сказал что-то на своём языке — коротко, гортанно, без лишних слов. Один из воинов кивнул и скрылся в центральном вигваме.

Через несколько мгновений вышел вождь.

Он был молод — лет тридцать с небольшим. Длинные чёрные волосы были собраны в низкий хвост, перехваченный кожаным шнурком со вплетёнными перьями степного орла. Лицо с острыми скулами, лёгкая щетина, глаза — тёмные, глубокие, с морщинками в уголках. На плечах накидка из волчьей шкуры, на поясе — томагавк с древком из тёмного дерева.

Он вышел на середину, остановился напротив отряда и посмотрел на них.

Долго. Внимательно. Не как на врагов — как на загадку.

Лагерь затих. Даже дети перестали шевелиться.

— Я Мато, — сказал он. — Вождь племени Кеава.

Голос его был низким, ровным. Без угрозы. Без страха.

Элис шагнула вперёд.

— Я Элис, эмиссар наместника Республики, — сказала она. — Это Анна, моя соратница и такая же эмиссар.

Она указала на рыцарей, стоящих за их спинами:

— Бьёрн, Стейн, Турид. Рыцари Ордена Льда. Они сопровождают нас.

Мато выслушал, не перебивая. Кивнул, принимая.

— Республика, — повторил он. — Я слышал о ней. Там, где говорят на одном языке и не помнят голоса земли.

Элис не стала спорить. Она чувствовала — это не вызов, не насмешка. Констатация.

— Земля, на которой мы стоим, помнит больше, чем мы, — сказала она. — Поэтому мы здесь.

Мато посмотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Анну — на её перчатки, на тонкий слой инея, который выступал на металле. Его глаза сузились. Он сделал шаг ближе, и Элис на мгновение напряглась, но Мато не коснулся Анны. Он смотрел на холод, который исходил от её рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.